

Пролог

— Михалыч, твою ж налево!

Вошедший в раж главный механик обильно орошал слюной пространство перед собой, в истовом гневном подпрыгивал на месте, при этом экспрессивно размахивая руками, из-за чего напоминая маленькую худосочную мельницу с пивной пристройкой и двумя лопастями, которые пытаются утащить строение в небо, но им решительно не хватает мощности.

— Как же так? Ты куда смотрел, я тебя спрашиваю?! Ты ж... я ж-ж, да я тебя...

Главмех орал пять минут без остановки. Надсаживался он самозабвенно, словно глухарь на току, задирая вверх выдающийся во всех смыслах шнобель. Двухногий «птиц» токовал, то двигая вверх-вниз выступающим яблоком каддыка на тонкой шее, то патетично заламывал руки, то бешеным кочетом насакивал на виновника начальственной ярости, что мял в руках замасленные концы. Со стороны казалось, что главный механик упивался своим монологом, совершенно не слушая пожилого экскаваторщика и не давая тому вставить в непрерывающийся разнос ни слова в собственное оправдание. Михалыч, широченный, словно вставший на дыбы гризли, в два раза по размаху плеч превосходил Якова Полякова, которого в мехколонне за глаза кликали Штырём за фигуру беременного гвоздя, сейчас боязливо втягивал голову в плечи, стараясь казаться как можно меньше, натужно сглатывал, выпускал сквозь зубы набранный для ответной оправда-

тельной тирады воздух и, опустив взгляд долу, в очередной раз начинал оттирать грязь и масло с рук.

Кутаясь в форменную парку с сигнальным жилетом поверху, Михаил Бояров снял каску и натянул на голову подбитый мехом капюшон. Морозец на улице стоял изрядный, где-то за тридцать давило, а благодаря порывистому ветру, то и дело запинаящемуся о верхушки сосен и шелестящему длинными зелёными иглами, градус личных ощущений опускался гораздо ниже сорока градусов. Благоразумно зайдя за разъездную «летучку», защищавшую от ветра и от колких ледяных осколков, срывааемых с острроверхих сугробов и обмётанных изморозью кустов, Михаил принялся равнодушно разглядывать ковш экскаватора, торчащий из земли, словно последний привет Терминатора, ныряющего в расплавленный металл. Если смотреть со стороны, то заваленный породой и скальными глыбами увенчанный зубцами привет производил гнетущее впечатление, как и образовавшаяся на пологом склоне сопки глубокая яма. Да, что тут сказать — незадача!

Михаил зябко повёл плечами, прижимаясь правой щекой к щекотливым шерстинкам меховой подбойки. Вот, к примеру, ему бы сейчас в тепло, к печи, чтобы отогреться с мороза, а Штырю хоть бы хны! Человек в движении, прыгает и скачет, машет руками. С такой разминкой, как стихотворному дровосеку, никакой мороз не страшен. Михалыч тоже расхристан — горло наружу, никакими воротниками и шарфами не прикрыто, вязаная шапка на бочок, грязная ручища то и дело утирает выступающий на лбу пот. Хотя завидовать экскаваторщику Михаил бы не стал. «Тантрический секс» с руководством с кого угодно ведро солёной влаги вышибет. Лучше он в сторонке помёрзнет, чем согреется подобным образом.

Поморщившись от очередного порыва ветра и приотпнув ногой, Михаил вновь занялся созерцанием про-

вала, в который словно шар в лузу угодил экскаватор. Дырища! Определённо кто-то получит по шапке с подвыподвывертом и прочими ништяками. Боссам, сиречь начальству, плевать на причины и следствия с высокой колокольни, им стрелочника подавай. Сакральную, так сказать, жертву.

Вот и брехал Поляков на всю мощь куцых лёгких, изображая горластого цепного пса, понимал, трубка клистирная, что «стрелочником» могут назначить его, да что там могут — назначат, а за сим назначением остаётся маленький шажок до появления в трудовой книжке строки с двумя «горбатыми»*.

— Да-а, вот типа расковыряли сопочку, — охлопывая карманы в поисках зажигалки, с философской интонацией обронил вылезший из «летучки» Максим Злобин.

Чуть рыжеватый, вёрткий как угорь, юркий парнишка с острым лисьим лицом и плутоватыми глазками второй год крутил баранку в колонне. За время работы Злобин успел разменять две клички, одной из которых была Фокс, а вторая, за выступающие передние резцы — Бобр. И смех и грех, бобровый лис. Если же не обращать внимания на недостатки, то водителем Максим был грамотным, в технике разбирался, не доверяя свою «ласточку» механикам, лично проводя все положенные ТО. Машина платила рыжему взаимностью, не ломаясь почём зря, даже «ножки» не ранил гвоздями и прочей дорожной гадостью. Сколько Михаил ни вспоминал, на память не

* Две статьи 33 КЗоТ (Кодекса законов о труде), действовавшего до 2002 года. Статья 33 содержала перечень оснований, дающих право администрации организации инициировать по собственной инициативе расторжение трудового договора с работником. Чаще всего это имело негативные последствия для уволенного, становясь своеобразным клеймом, и зачастую служило препятствием для нормального трудоустройства в дальнейшем.

желали приходиться случаи, чтобы у Фокса оказалось пробито колесо или выезд задерживается по причине какой-либо неисправности.

— Штырь разошёлся — не заткнуть. Как бы он Михалыча без соли и тапок не схарчил. Подведёт он теперь его под монастырь, помяни моё слово. Что теперь будет-то, Пальч? — Найдя искомое, водитель прикурил зажатую в зубах сигарету и, сделав первую глубокую затяжку, принялся буравить взглядом невольного собеседника.

Неопределённо пожав левым плечом, Михаил задумался об ответе. Остроносый Максимка слыл той ещё сорокой, не умеющей держать клюв на замке. Со всеми рыжими, с которыми его сводила судьба, почему-то всегда было так, и у Михаила Боярова выработался натуральный рефлекс держать с ними ухо остро, а с этим кручёным индивидуумом с быстрым взглядом и острым языком без костей, который запросто мог что-нибудь ляпнуть, не задумываясь о последствиях, следовало быть вдвойне осторожней.

— Да ничего не будет. Будто ты нашего... гх-м, г-хм, не знаешь. Поорёт, пар выпустит, соточку кошерной водки тяпнет да уймётся. В первый раз, что ли? Тем более здесь его косяк, — сплюнул на снег Михаил, делая шаг назад.

Сам он не курил и хоть относился к курильщикам равнодушно, а кое-где даже с пониманием, но дым в лицо не переносил категорически.

— С Михалыча, конечно, премию стрясут по полной программе, но что-то содрать сверх того не получится. Не то пальто, Максимка. Тут Свиягина надо драть в хвост и гриву. Причём здесь Михалыч? Ему сказали копать отсюда и до обеда, он копает. Куда, спрашивается, горный инженер смотрел? Синячил с подрядчиками, как всегда. Шурфы набурили, а толку? Ещё вопрос — бурили ли, а? Вон весь сказ, торчит памятником нерукотворным, сам видишь.

— Да-а, — глубоко затянувшись, обронил Максим. — Говорю тебе, Штырь Михалыча за экскаватор живьём сожрёт без соли и хлеба. Сколько баблосов за него отвалили, не в курсе?

— Не в курсе, — качнул головой Михаил, — передо мной не отчитывались. А так... По большому, цел Komatsu. Откопать, от грязи отмыть, и как новенький будет, он вниз будто по пандусу съехал, потом его породой аккуратно присыпало. Так, косметика. Чуть подрихтовать, шпатлёвочкой помазать, краской заполировать, и сойдёт за новенького. Думаю, в крайнем случае кабину поменять. Штырь пусть богу молится, что без трупов обошлось, а то светило бы ему небо в клеточку.

— А откуда типа? — швырнув бычок и проследив за его полётом до ближайшего сугроба, поинтересовался Максим, делано морщась от особо цветастых оборотов, долетавших до стоянки с места локальных разборок.

— Догадайся с первой попытки, кто Михалыча из пещеры вытаскивал?

— И что там, большая дыра? Как там, типа Эра Аса, э-э, нет, Эса Ала — мать всех пещер...

— Ух ты, какие ты слова знаешь! — перебил Михаил. — Долго учил? Мать не мать, эта... как её?

— Эса Ала, типа Пещера Ласточек. Дык канал «Дискавери», не хухры-мухры, с сынишкой по выходным смотрю иногда. Порой что-то интересное и полезное показывают, не то-то эти осточертевшие шоу про «Пусть п...т». Достали эти типа Малаховы и прочие, куда ни ткни, с каждого утюга верещат.

— Хм, — усмехнулся Михаил, которого начинало коробить от паразитирующего на языке Максима «типа». — Ласточек и гуано я там не видал, если только спелеологи в будущем не нагадят, хм. А так — да, пройма порядочная. Не поленись, сходи, глянь, пока есть возможность. Там натоптано, так что не провалишься. Через день-два

спелеологов и прочих охочих набезит, не пропихнёшься. Ребята из колонны и подрядчики тоже по разу заглянули. Впечатлились по самое не балуйся. Теперь растреплют всему свету по секрету. Конечно, не каждый день пещеры находят, а тут целая сенсация. Теперь понятно, куда Сухой ручей исчезает и откуда в Ореховой пади Кривое озеро водой питается. Вода всегда выход найдёт, Максимка, запомни: всегда! Здесь ушла, ниже вышла. А пещера, да, зачётная, как кишка, вглубь сопки уходит, я фонариком конца не досветил, а вглубь лезть как-то стрёмно. Я ещё жить хочу.

— Что, типа задний «жим-жим» включился? — хитро прищурившись, грубо схохмил водитель.

— «Жим-жим», — ни капли не смутился Михаил. — Мне ещё дочку поднимать и сына на ноги ставить, а лезть туда, куда кобель не суёт, знаешь, как-то не по мне. Пусть специалисты разбираются, а я в сторонке спокойно постою, не переломлюсь.

— Ну, а как...

-В первом приближении?

— Ага, в первом типа...

-Темно и воздуха не видно. Ну, а что ты хотел узнать? Нашёл кого спросить. Пещера как пещера. Я глубоко не лез, так, где лагами и брусом укрепили, чтоб башки не проломило, если сверху посыплется. Помог Михалычу выбраться. Что ещё? Сами боковые стены близко, здесь, по крайней мере, а как оно дальше, бог его ведает. Михалыч так аккуратненько, впритирочку между ними влетел, кабиной под свод втиснулся, снайпер хренов. Повезло, можно сказать. Хорошо, что обошлось без смертельных, и никто в провал раньше не угодил. Тут же дорогу месяц назад проложили, и сколько раз вахтовка туда-сюда с людьми моталась — не пересчитать. Представь, если бы туда КамАЗ с полной будкой людей наворачнулся, — водитель представил и зябко передёрнул плечами. —

Во-во! Месиво! Михалыч ещё вовремя среагировать успел, стрелу вытянул и ковшом зацепился, удержал экскаватор, а Штырю полагается радоваться, что не придётся голый попой в прокуратуре светить.

Бросив взгляд на продолжающего брызгать слюной главного механика, Михаил пнул смёрзшийся комок грязи и продолжил:

— Запросто могло ведь и кабину накрыть, Макс. А за травматический случай со смертельным исходом со Штыря бы все перья без анестезии сняли и живьем отымали по полной программе. Думаешь, чего он тут надрывается? Страх свой он зарывает, Максимка. В душе крестится и богу челом бьёт, что всё обошлось. Фиг с ним, с железом, главное, все живые и здоровые, а экскаватор откопаем.

— А щебень теперь где на отсыпку брать? Карьер, наверно, прикроют.

— Я тебе поражаюсь, Злобин, тут что, мест нигде больше нет, где скальник и щебень брать? Оглянись, сопки кругом, найдут, где карьер сделать. Горный наш, инженер, просохнет, отоспится и ткнёт пальцем.

— Слышь, Палыч, ты как думаешь, если тут типа всё облагородить и экскурсии водить...

— Я смотрю, Максимка, ты идею хорошую родил, подкинь начальству на досуге. Глядишь, и не Штыря возить будешь, а на «прадике»* генерального рассекать начнёшь.

— Твои слова да богу в уши, — кисло ухмыльнулся Злобин.

Ни для кого в колонне не была секретом влажная мечта Максима сменить баранку «летучки» на кожаный руль начальственного джипа. Михаил внутренне усмехнулся.

* Сокращённое жаргонное наименование внедорожника «Лендкрузер Прадо».

Как бы ни был Максим хорош как водитель, но генеральный никогда не посадит за баранку своего автомобиля записного сплетника, так что мечты, мечты. Мечтать не вредно, да и статями Злобин не вытягивал. Бояров доподлинно был в курсе предпочтений шефа, которые тот вынес ещё из лихих девяностых. Сам не маленького роста и не дюймовочной комплекции, генеральный подбирал водителей себе под стать. Таких, чтобы чужие секьюрити чувствовали себя мелкими сопляками рядом с двуногим кабаньей с косою саженью в плечах. Полёт мысли прост как прямая палка — здоровенный лоб с пудовыми кулачищами и за себя постоит, и начальство в случае нужды прикроет. С кулаками и портняжным метром между правой и левой ключицами у Злобина как-то не задалось с самого начала. Худой рыжий глист будет оттенять шефа в самом невыгодном свете, поэтому Максиму оставалось только мечтать или надеяться на смену генерального, но отнюдь не факт, что выгорит.

— Эх, пойду, поглазею. Я там точно никуда не улечу?

— Не очкуй, спелеолог. Валяй, — провожая взглядом выезжающую вахтовку, ответил Михаил.

Работяги в будке дружно прижались носами к заиндевевшим окнам, разглядывая место провала и торчащий из земли ковш с куском стрелы.

— Можешь фонарик в моём микроавтобусе взять. На переднем сиденье лежит. На место вернуть не забудь, гном пещерный...

Минут через десять Максим, возбуждённый коротким путешествием в подземное царство, вернулся обратно.

— Фонарик положил на место, — с ходу объявил он. — Там в натуре прикольно. Метров сто до поворота будет, точно говорю. Я бы сходил дальше, но через кучу лезть неудобно, только измажешься весь. Вытащат экскаватор, приберутся, тогда можно.

Слушая парня, Михаил подумал, что мысль, высказанная шепотом водителем, организовать экскурсии и походы в пещеру совсем неплоха. Конечно, от города не близко, но и не далеко. Тридцать километров. Час сюда, час туда. Как потеплеет немного, можно будет взять детей и привезти их полюбоваться настоящей пещерой, тем более, судя по оговоркам некоторых коллег, информация уже дошла до высшего руководства, и сверху поступило распоряжение ничего здесь не трогать, а раз так, то до появления различного рода энтузиастов, спелеологов и экстремалов остаются считанные дни. Пройдёт пара месяцев и от природной красоты останутся рожки да ножки. Затопчут и загадят гуано за каждым сталагмитом. У нас это быстро, глазом моргнуть не успеешь.

— О, наш Цицерон закончил толкать речь.
— Кто? — не понял Максим, о ком речь.
— Оратор один древнеримский.
— А, — радостно осклабился водитель, — наш Штырь поорать любит.

Михаил едва удержался от интернационального жеста в виде встречи ладони с лицом.

— Максим, я намекаю, что тебе пора за баранку твоего пылесоса. Штырь к машине побежал, а ты тут со мной лясы точишь. Оратор только разговелся на Михалыче, как бы тебе под горячую руку не попасть.

— Ёпт! — Помянув для порядку женщину с пониженной социальной ответственностью, Максим сайгаком сорвался к «летучке».

— Дан приказ ему на запад, мне в другую сторону, — усмехнулся Михаил, направляясь в сторону вагончика-нарядной.

Через минуту тропка, петляющая между высоченных сосен, привела к заветной цели с тихо порывающим у вагона бульдозером. Толкнув пластиковую дверь,

Михаил чуть не задохнулся от висевшего в помещении табачного кумара.

— Мужики, вы часом не охренели? — для проветривания оставив открытой дверь, спросил он. — Если я топор метну, он повиснет или поплывёт?

— Если ты кинешь топор, то кого-нибудь зашибёшь, — под общие смешки ответили ему. — Штырь укатил?

— Укатил, радуйтесь, что он вам на радостях не прописал за курение в неполюженном месте. Совсем без голов, что ли? ЧП на объекте, вы бы ещё кальян тут организовали.

— О, зачётная мысль, — воздел вверх мясистый палец широколицый и вечно красноносый нарядчик Василий Мотыгин. — По закону в общественных местах запрещено курение сигарет, а о кальянах ничего не сказано. Так, мужики, ни у кого лишний кальян в хозяйстве не завлялся?

Народ радостно загомонил, обсасывая инициативу со всех сторон и дополняя её разными рацпредложениями, в конце концов доведя мысль до организации на участке хамама, спиртзавода и публичного дома на закуску. Позубоскалив несколько минут, компания вернулась к теме, прерванной появлением Михаила. Как ни странно, болтовня, сопровождающаяся усиленным уничтожением табака, шла о глобальном воздействии человека на климат Земли.

— Да как вы не понимаете, — ударив ребром ладони о ладонь, распаялся бульдозерист Полипов Сергей — рябой мужик с худым костистым лицом, отчего у окружающих постоянно создавалось впечатление в вечной недокормленности бульдозериста, хотя в столовой тот уплетал так, что спина бугрилась. Злые языки утверждали, что Полипов ест за себя и за того солитёра, раз не в коня корм. — Всё, хана нашему шарику!

— Да с чего ты взял?! — старательно пряча усмешку, едва ли не грудью наезжал на него Василий Мотыгин, обожающий подкалывать своего закадычного оппонента.

— Да вы вокруг посмотрите! Тайгу, считай, под корень вырубил, зверьё выбили. Ты, может быть, не помнишь, но мы ещё десять лет назад тут зайцев и фазанов пачками брали. Где теперь эти зайцы и фазаны? А рыба где? Кончилась рыба! Климат тоже поменялся. Куда ни плюнь, всюду смерчи, ураганы. У нас — то заливают, то сушит. Вообще, диких мест в природе совсем не осталось, сколько сейчас людей на планете? Миллиардов семь, а скоро ещё больше станет, что им жрать прикажешь? Пить и есть все хотят, а воды нормальной-то и нет, всю отравили, а что не отравили, то вся на северах да на югах.

— Какие ещё севера и юга?

— Антарктика и Арктика. Богатые страны уже давно вовсю айсберги к себе трелюют. Между тем ледники тают, кто бы там что ни говорил.

— А это при чём? — не отставал Василий.

— Да что вам объяснять, — расстроено махнул рукой Сергей, у которого начали заканчиваться аргументы в пользу собственной правоты. — Вырем мы, как динозавры.

Краем уха прислушиваясь к пустопорожней полемике, убивающей рабочее время, Михаил протиснулся за угловой столик, где, не откладывая дело в долгий ящик, принялся быстро набрасывать объяснительную. Бумагу так и так стребуют, так чего тянуть, спрашивается? Исчеркав два листа в попытках красиво описать ЧП и свою полную непричастность к происшествию, Михаил обогатился знаниями о мире, в котором человечество вымерло в один миг. Наконец, поставив последнюю точку, он поднял взор на «паровозное депо», дружно коптящее сигаретами потолок.